

УДК 316.334.22ч331.5-057.
87(477-25)

НАТАЛИЯ ФЕДОРЕНКО,
старший преподаватель кафедры педагоги-
ки и психологии КНЭУ им. Вадима Гетьмана

Статусы вторичной занятости студентов в экономическом пространстве города

Аннотация

В статье приведены результаты исследования статусов и функций вторичной занятости студентов. Осуществлен анализ мотивационной структуры вторичной занятости студентов. Сформулирована и представлена характеристика разновидностей возможных статусов вторичной занятости студентов. Осуществлено сравнение статусов и функций вторичной занятости студентов на основе теоретического обобщения и эмпирического исследования. По результатам исследования предложена обоснованная классификация статусов вторичной занятости студентов.

Ключевые слова: *социология труда, студенческая молодежь, вторичная занятость студентов, мотивационная структура вторичной занятости студентов*

Переход от централизованной экономики советско-социалистического типа к смешанной, с элементами государственного и рыночного регулирования, хотя еще не завершился, но уже вызвал противоречивые по своим основным характеристикам последствия. Негарантированным, в частности, стало вхождение и пребывание молодежи на разнообразных рынках труда, а несогласованность качества и номенклатуры высшего профессионального образования с требованиями и предложениями реального сектора экономики привела к девальвации дипломов многих специальностей и росту безработицы среди выпускников высших учебных заведений. Постепенно образовался дисбаланс на рынках труда, воспроизводимый интенсивным расширением масштабов подготовки дипломированных специалистов в течение последних двух десятилетий, а также ограниченными возможностями трудоустройства по отдельным специальностям. Эта институционально обусловленная ситуация и обстоятельства, связанные с финансово-материальным статусом родительской семьи, запросами и потребностями моло-

дых людей, объективно заставляют студентов прибегать к практическому “зондированию” рынков труда, то есть наряду с учебной деятельностью искать место работы и дополнительный доход.

Опыт изучения вторичной занятости студентов

Начиная с 1990-х годов вторичная занятость студентов является предметом многочисленных экономико-социологических исследований в дальнем и близком зарубежье, а также в Украине. Едва ли не самым продуктивным источником теоретических разработок и эмпирической информации остаются “Journal of Education and Work” (Журнал образования и работы), который издается в Великобритании, и “The Journal of Higher Education” (Журнал высшего образования) — орган университета Огайо США. Если обобщить выявленные и описанные в публикациях зависимости и тенденции, их можно свести к двум самым важным.

Во-первых, со временем масштабы вторичной занятости студентов имеют тенденцию к расширению.

В середине 2000-х годов в Соединенных Штатах Америки почти 50% студентов работали, тогда как в 1970-м они составляли всего треть (34%) [Riggert, Boyle et. al., 2006: p. 63]. Аналогичная ситуация наблюдается в Европе, где доля таких студентов варьирует от 48% во Франции до 77% в Нидерландах [Hakkinen, 2004]. Обследования отдельных университетов Великобритании обнаружили, что оплачиваемой работой занимаются 70–80% зарегистрированных на дневных образовательных программах. Разумеется, это не добровольный выбор, а преимущественно обусловленный увеличением стоимости обучения, ростом цен на товары, услуги и развлечения [Hodgson, Spours, 2001].

Исследования российских ученых также подтверждают интенсификацию процесса совмещения обучения с различными формами трудовой активности среди студентов дневной формы обучения. И.Лелекина в кандидатской диссертации приводит цифры, согласно которым в 2007 году доля российских студентов, которые работают или хотят работать, составляла 89% (исследование на основе репрезентативного опроса студентов четвертых курсов дневной формы обучения государственных вузов, опрошено 1712 человек) [Лелекина, 2007: с. 10]. М.Ворона в своем исследовании 2007 года описывает группу студентов, имеющих опыт совмещения работы и учебы; она охватывает 74% (исследование на основе репрезентативного опроса студентов дневной формы обучения из трех вузов г. Саратова, опрошено 300 человек) [Ворона, 2007: с. 15]. А.Родионова констатирует, что вторичная занятость студентов имеет массовый характер: в трудовую деятельность с разным уровнем интенсивности вовлечено 62% студентов (эмпирическое исследование “Студент на рынке труда: социологический анализ”; репрезентативный опрос 836 студентов дневной формы обучения семи вузов России, 2007 год) [Родионова, 2012: с. 23]. При этом разными авторами подтверждено, что на старших курсах удельный вес работающих выше, чем на младших (данные опросов студентов четырех вузов России, исследование на основе репрезентативного опроса студентов дневной формы обучения, опрошено 526 человек, а также репрезентативного опроса студентов пятых курсов дневной формы обучения пяти вузов г. Мурманска, 2009 год, опрошено 595 человек) [Творогова, 2003: с. 11–12; Цылев, 2012].

Результаты исследований, проведенных в Украине, подтверждают указанные тенденции касательно распространения вторичной занятости студентов. С. Садрицкая для 2005–2007 годов приводит цифру 63%, относящуюся к тем, кто работает в период обучения в вузе (Международное исследование “Высшее образование как фактор социоструктурных изменений: сравнительный анализ посткоммунистических обществ” (2005–2007)); по репрезентативной выборке опрошено 3057 студентов вузов Украины и 780 студентов вузов Беларуси; кроме того, было опрошено 587 студентов вузов России по нерепрезентативной выборке) [Садрицька, 2008: с. 527]. Схожие данные получила Н. Волкова (2009–2010) — 76% ее студентов сочетают обучение с работой (данные опроса на основе нерепрезентативной выборки студентов третьего курса дневной формы обучения Днепропетровской государственной финансовой академии, опрошено 211 человек) [Волкова, 2010]. В 2010–2011 годах Институт Горшенина принимал участие в международном обследовании студенческой молодежи разных стран мира (Россия, Польша, Казахстан). В Украине было опрошено 5155 студентов 22 высших учебных заведений, и в среднем треть из них работали и учились [Студенты, 2010–2011]. Социологи из Национального университета “Киево-Могилянская академия” Л. Малыш и А. Виноградов в коллективной монографии по проблемам перехода от образования к труду утверждают, что в их выборке, репрезентативной для молодежи в возрасте от 15 до 34 лет, которая завершила обучение в 2001–2006 годах, 18% (округленно) респондентов имели работу еще до окончания обучения, а 8% имели ту же самую работу после выпуска (репрезентативные опросы мужчин и женщин, которые закончили непрерывное обучение в течение 2001–2006 годов, было проведено Киевским международным институтом социологии в 2007 году по проекту “Переход от обучения к работе”, опрошено 4123 человека) [Малиш, Виноградов, 2010: с. 144].

Различия в оценках заметны, однако им есть объяснение. Очевидно, что доля охваченных вторичной занятостью зависит и от курса обучения, и от специальности, и от территориального размещения учебного заведения (в столице и крупных городах рынок труда более разветвленный и емкий). Важно и то, учитывают ли всех работающих на момент опроса или же всех, кто вообще когда-либо работал. Полагаю, не будет ошибкой считать, что опыт работы в период обучения имеют почти две трети студентов, а постоянно работает примерно каждый пятый.

Во-вторых, изменяется значимость отдельных групп мотивов участия студентов во вторичной занятости.

В специальной литературе различают несколько групп мотивов. Одна из них преимущественно утилитарная и узко прагматичная. Речь идет, прежде всего, об удовлетворении материальных потребностей. Особенно актуальной в Украине она была в 90-е годы прошлого века, на пике социально-экономического кризиса и значительного ограничения возможностей родительской семьи финансово помогать студенту/студентке. По мере развития платного обучения появилась и новая статья расходов, а у студентов — новый мотив помочь родителям и себе.

В Европе, в частности в Великобритании, вторичную занятость студентов прямо связывают с институциональными изменениями в финансировании высшего образования, в частности с введением системы образовательных кредитов в те же 90-е годы [Апокин, Юдкевич, 2008: с. 100; Callender,

Kempson, 1996: p. 41–56; Ford, Bosworth, Wilson, 1995: p. 187–202; Sorensen, Winn, 1993: p. 48–65]. Начинать погашать долги за образовательный кредит или вносить текущие платежи — такова установка как европейского, так и американского студента [Kalenkoski, Pabilonia, 2004]. Отмечается также, что работающие легче прибегают к новым займам: наличие работы явно придает им социальной уверенности на ближайшее будущее.

Российские исследователи также фиксируют доминирующую функцию мотива материального обеспечения текущих потребностей [Константинова, 2006: с. 16; Капезина, 2003: с. 88; Цылев, 2012; Константиновский, Вознесенская, Чередниченко, 2001; Большакова, 2005: с. 137]. Совмещать работу с учебой, чтобы улучшить условия материального существования, свойственно и украинским студентам [Садрицька, 2008: с. 527]. Согласно данным исследования Института Горшенина, большинство студентов работают, чтобы иметь дополнительные деньги на собственные нужды. Исключение составляют работающие студенты Казахстана, где более важен мотив работать, чтобы помочь своей семье (свыше трети респондентов), а намерение оплатить учебу присуще 14,3% этих студентов [Студенты, 2010–2011].

Таким образом, данная группа мотивов фактически конституирует два разных статуса вторичной занятости. Первый — эгоистичный, самоцентрированный, когда заработки направляются исключительно на удовлетворение текущих проблем или же их только на это и хватает. Второй эгоистически-семейный, когда часть дохода используется на помощь близким и родным. В Украине это стало возможным на этапе экономического роста. В подобных обстоятельствах студенты приобретают финансовую независимость от родительской семьи, что получает одобрение и со стороны родителей.

Другая группа мотивов включает стремление современной молодежи к карьерному росту, признанию и престижу и свидетельствует о желании добиться этого при помощи определенного рода занятий. В научной периодике в этом случае речь идет о группе социальных мотивов [Константинова, 2006: с. 17; Ворона, 2007: с. 16; Большакова, 2005: с. 137] и фактически о получении студентами благодаря работе неденежных активов (неденежных ресурсов).

Работа, даже если она не совпадает со специализацией, позволяет расширить сферы общения, деловые контакты, накопить опыт, наличие которого нередко является обязательным условием при приеме на работу в большинстве престижных организаций и фирм. Студенты осознают важность дополнительной работы как способствующей установлению контактов и налаживанию связей: около трети из них отмечали это в анкетах [Творогова, 2003: с. 15; Ворона, 2007: с. 16; Рощин, 1995: с. 28–30]. Это подтверждается и данными обследования 2002 года студентов Пензенского государственного университета (выборка репрезентативная, опрошено 514 студентов) [Капезина, 2003: с. 92]. Аналогичные свидетельства получены в 2000 году в рамках программы “Разработка и реализация федерально-региональной политики в сфере науки и образования” Министерства образования Российской Федерации на материалах всероссийского опроса; опрошено 22 вуза России, N = 1812 студентов [Константиновский, Вознесенская, Чередниченко, 2001]. Такова же доля украинских, российских, казахских и польских работающих студентов, указывающих на важность самореализации на работе и значение дружного коллектива [Студенты, 2010–2011; Садрицька, 2008: с. 527].

Р.Лукас и Н.Ламмонт пишут, что в 1994–1996 годах учащиеся выпускных классов манчестерских школ и студенты городского университета Манчестера (Manchester Metropolitan University) часто обращают внимание на такой фактор, как приобретение новых друзей и навыков общения [Lucas, Lammont, 1998]. Результаты фокус-группы, проведенной в указанном университете в 1999 году и описанной в работе С.Кертис и Р.Лукас, показали, что занятость предоставляет студентам важные неденежные преимущества, в частности, опыт работы и соответствующие социальные навыки (см. : [Curtis, Lucas, 2001: p. 38–54; Hodgson, Spours, 2001]).

Ситуация занятости: концептуальная схема изучения статусов и эмпирическая база

В нашем исследовании статус интерпретируется как определенное значение, которое студенты придают ситуации включения во вторичную занятость, выясняя для самих себя, почему собственно они этим занимаются. Именно значимость, то есть определенные оправдания, которые приводят студенты, объясняя, что их побуждает работать, целесообразно фиксировать через такие объяснения, которые мы отмечаем в качестве мотивов.

В ситуацию вторичной занятости вовлечены, взаимодействуя в ней, по крайней мере четыре субъекта: студент (его собственная семья), родительская семья, экономика (дифференцированные по собственности, емкости и т.п. рынки труда, работодатели), система образования (конкретные высшие учебные заведения). Для студента его личная ситуация, родительская семья, система образования и экономика являются данностью, к которой необходимо приспособляться и на установки которой реагировать. Каждая из них сама по себе является сложным образованием со множеством “измерений”, что обуславливает и сложность самого феномена вторичной занятости студентов. Структуралистская традиция в социологии исходит из толкования этих измерений как возможностей/ресурсов, между которыми индивиды имеют возможность делать выбор либо опираться на них, а также как ограничений, не позволяющих или усложняющих доступ к любым другим возможностям/ресурсам.

Статус студента является “переходным”, то есть напоминает ситуацию, которую антропологи (в частности, В.Тернер) называют лиминальной, поскольку студент находится “между” полностью материально зависимым существованием в родительской семье и самостоятельностью в организации собственной жизни индивидуально или с собственной семьей, “между” отсутствием профессиональных знаний и умений и более или менее эффективным их наличием. Это продолжительный во времени переход от одних идентификаций, системы ценностей, распорядка жизни к другим, переход, в котором готовность к этим другим статусам, обязанностям, правам и надеждам приобретает важное личностное значение.

Вторичная занятость также занимает определенное место в современной структуре жизнедеятельности студента. В любой интерпретации это место фиксирует статический момент, то есть готовность, настроенность действовать, что может быть следствием принятых обязательств. Когнитивные и эмоциональные способности или возможности индивидов, настойчивость, коммуникабельность, безусловно, влияют на шансы найти дополни-

тельный заработок во время учебы. Разумеется, измерить компетентность в поиске работы весьма сложно, поэтому приходится исходить из предположения о том, что работают наиболее активные и те, кого вынуждают к этому обстоятельства.

Учеба в вузе остается основной деятельностью студента. Однако реальная практика учебного процесса подвергает сомнению категоричность данного утверждения. Предположение, что все студенты в равной мере заинтересованы в высоком качестве собственного обучения, скорее ошибочно, особенно в условиях превращения значительной части образовательных услуг в товар. Однако социологическое изучение реального положения вещей не всегда возможно, поскольку выходит за рамки возможностей применения сугубо научного подхода.

Наряду с этим известно, что преподаватели и однокурсники знают и оценивают факт вторичной занятости того или иного студента, а сам студент в определенных ситуациях предъявляет факт занятости для того, чтобы достичь какой-то явной или латентной цели. Кроме того, во многих вузах созданы структуры, способствующие поиску занятости и последипломному трудоустройству, иногда они организуют оплачиваемую стажировку по специальности. Впрочем, из проведенных мной обследований известно, что студенты чаще трудоустраиваются самостоятельно и не по специальности [Федоренко, 2011].

Изменение институциональных социально-экономических оснований воспроизводства и функционирования общества в последние три десятилетия, глобализация экономики, стремительное распространение информационных технологий обусловили образование принципиально новой совокупности обстоятельств, в которых происходит взаимодействие системы образования (подготовки к труду) с экономикой (пространством реализации полученных во время учебы знаний и навыков). Соответственно почти радикально модифицируется значение вторичной занятости студентов, которая становится — не во всех ее эмпирически существующих формах, а отдельными сегментами — важным средством состыковки образования и экономики, тем “местом”, где конфликт интересов, потребностей и возможностей имеет шанс получить разрешение.

Кроме того, подобным ходом событий и реальным состоянием вещей вторичная занятость выведена из-под оценки: работать во время учебы не хорошо, но и не плохо, это некая норма в современном мире. Из этого вытекают последствия, к которым система образования, экономика, студенты и их родители вынуждены адаптироваться, хотя порой запаздывают с этим или под различными предлогами уклоняются от этого. Разумеется, что обстоятельства, нормирующие подобную практику жизнедеятельности студентов, не могут нравиться всем, они становятся объектом критики и неприятия в научных кругах, в публичной сфере, в образовательной среде, в ближайшем окружении студентов.

Общепринятым в социологии является понимание того факта, что статусы нельзя наблюдать непосредственно, поскольку они представляют собой латентные феномены. В конкретном действии, которое мы называем вторичной занятостью студентов, обычно воплощается констелляция статусов. Только в анализе, то есть расщеплении единства, как бы проступают черты отдельных статусов. Можно предполагать, что статусные комплексы

(конstellации статусов) бывают более или менее сложными в зависимости от конкретной социально-жизненной ситуации студента, а также, что существует доминирующий статус. Однако каковы именно эти комплексы и какой статус доминирует, можно установить только эмпирически. Для реализации этой цели автором был проведен ряд исследований.

Результаты обследований в 2002–2007 годах вторичной занятости студентов Киевского национального экономического университета имени Вадима Гетьмана продемонстрировали, что перечень мотивов, которыми руководствуются студенты при трудоустройстве, достаточно широк [Федоренко, 2011: с. 235–246]. С учетом мотивов, определенных самими респондентами, в анкету для эмпирической оценки статусной конstellации было включено 24 суждения (Приложение А). Вопрос был сформулирован так: “За период учебы Вы, возможно, работали полный или не полный рабочий день, имеете знакомых, которые работают, либо слышали о мотивах, побуждающих студентов работать. Ниже приведены суждения касательно мотивов, оправдывающих трудоустройство в период обучения. Отметьте, пожалуйста, по каждой строке, как часто, **по вашему мнению, студенты действительно используют их в разных ситуациях и действительно ими руководствуются** (оцените это по шкале, где 1 — крайне редко, а 7 — очень часто). Итак, студенты работают для того, чтобы...”. При этом предполагалось, что о конкретных статусах свидетельствуют определенные группы мотивов. Исходя из неалгоритмизированных соображений было выделено семь статусов.

1. *Индивидуально-утилитарный статус* определяет ситуацию, когда вторичная занятость студента является средством удовлетворения прежде всего элементарных индивидуальных жизненных потребностей и ослабления студентом своего статуса в качестве полного семейного иждивенца. По допущению, указанный статус присущ выходцам из семей с низким уровнем материальной обеспеченности. Однако не исключено, что и более обеспеченные студенты приобретают такой статус с целью расширения собственных досуговых возможностей в плане развлечений, проведения каникул и т.п.

2. *Индивидуально-прагматический статус* характеризует настроенность и способность студента направлять заработок на удовлетворение собственных потребностей, потребностей своей семьи, если таковая уже имеется, и на помощь родителям или родственникам. В полном объеме это, очевидно, составляет статус финансовой независимости, что теоретически возможно, но вряд ли он будет эмпирически фиксироваться в статистически значимом количестве.

3. *Индивидуально-перспективный статус*, когда вторичная занятость, главным образом, является средством получения знаний, навыков, опыта, репутации, а в итоге — улучшения шансов на рынке труда и перспектив доступа к привлекательным рабочим местам после окончания учебы. Работа не по специальности также не становится обесцененным ресурсом опыта, поскольку определенная часть выпускников вузов в Украине через несколько лет после выпуска трудоустраивается не по специальности, и для некоторых из них он оказывается полезным [Молодь та молодіжна політика в Україні, 2010]. К тому же по мере развития экономики становится больше межпрофессиональных занятий, а динамика технологий такова, что все труднее решить, как соотносится специальность с перечнем задач на конкретном рабочем месте.

4. *Социально-позитивный статус* заключается в том, что работа за пределами аудитории в составе научных или творческих групп является средством решения социальных или технологических проблем общества, а также плодотворной формой подготовки компетентных научных и технических специалистов. Вовлечение студентов в работу в конкретных “проектах” представляет собой специфическую форму обучения — обучение путем участия. Поскольку активизируется чаще всего и познавательная активность студента, эксперты именно в этом случае подчеркивают “позитивную образовательную ценность” вторичной занятости, мобилизующей, в определенной мере, и преподавателей. Общество, студент, система образования, преподаватели — все оказываются в выигрыше.

5. *Социально-негативный статус* — статус воспроизводства “теневого” рынка занятости и собственного бесправного положения в фирмах и компаниях. Проведенные раньше обследования продемонстрировали, что студенты в Украине и России массово выбирают и приобретают этот статус. Теоретически шансы трудоустроиться в официальной и в теневой экономике примерно равны, но эмпирически фиксируемые шансы заметно смещены в сторону уменьшения [Капезина, 2003: с. 130; Лелекина, 2007: с. 11].

6. *Образовательно-негативный статус* может проявляться спонтанно, в процессе взаимодействия студента и преподавателя, когда вторичную занятость представляют как “льготу”, которую преподаватель якобы должен учитывать при оценивании знаний. Это воспроизводит ситуацию “торгов” между студентом и преподавателем, ставкой в которой становятся взаимные требования в отношении качества преподавания и степени усвоения программных знаний студентом. В таких условиях образование трактуется обоими сторонами как “приобретение”: образовательные услуги предлагаются, а после “переговоров” по поводу качества и “цены” — потребляются. Иными словами, стихийно либо сознательно устанавливаются латентные конвенции касательно норм взаимодействия в ситуации получения образования. Фактологичность ситуации не вызывает сомнений, однако пока нет доступных способов и надежного инструментария, которые бы сделали возможной ее количественно-эмпирическую оценку, ведь в опубликованных результатах обследований невозможно найти подтверждения существования такого статуса. Вполне понятно, что явление коррупции выступает функциональным экстремумом данного статуса, недостижимым для наблюдения средствами социологической науки.

7. *Символический статус* — это внушаемый статус, имеющий как минимум три “измерения”. (а) На студента падает “тень” престижа организации, в которой он работает; (б) студент является репрезентантом репутации высшего учебного заведения — то, на что могут, но не обязаны обращать внимание работодатели; (в) престиж организации, принявшей студента на работу, может повлиять на индивидуальный престиж (репутацию, авторитет) в группе или на курсе.

Предполагалось, что применение к полученным первичным данным факторного анализа выявит эмпирические констелляции мотивов, которые, собственно, и образуют конкретные статусы. Отбор групп студентов осуществлялся по одноступенчатой случайной выборке (шаг отбора 10, группы отбирались из пятого факультета в объявлении о приеме студентов), опрошен 431 человек. Обработка количественных данных осуществлена в пакете SPSS.

Эмпирическая классификация статусов

Статус воспроизводства теневой экономики (“социально-негативный статус”) не охватывается вопросом о мотивах трудоустройства студентов; он сконструирован исследователем опосредованно, на основе результатов исследований 2002–2007 годов студентов КНЭУ им. Вадима Гетьмана [Федоренко, 2011] и представляет собой “непроизвольное следствие” активности студентов на рынках труда.

Факторный анализ осуществлен в пакете SPSS, методом главных компонентов (метод обращения Варимакс с нормализацией Кайзера). Выбирать пришлось между двумя опциями. В первой насчитывалось 10 “статусов”, которые объясняли 68% дисперсии. Однако был и “статус”, который состоял из одного мотива, что не очень хорошо. Вторая, минимально возможная, опция содержала 7 “статусов” и объясняла 57% дисперсии. Таким образом, выбирать нужно было между уменьшением объяснительной силы факторизации, что обычно не одобряется, и более компактным представлением данных. Предпочтение было отдано последнему, в частности исходя из того, что это ближе к количеству теоретически выделенных статусов. С очевидными недостатками приходилось смириться: в статусах изменялась комбинация мотивов, они становились более неоднородными, было труднее их интерпретировать. Эмпирическая статусная конфигурация, в которой сохраняются введенные раньше названия, а наполнение отличается от предполагаемой изначально, приобрела следующий окончательный вид (факторная нагрузка приводится в Приложении Б, статусы расположены в порядке формирования статусов, то есть по доле объясняемой дисперсии).

Индивидуально-перспективный статус (объясняет 20% дисперсии)
Удовлетворить интерес к разным занятиям и профессиям, узнать что-то новое.

Определить, на что ты способен.

Приобрести опыт общения и работы в коллективе.

Помогать другим людям в решении их проблем.

С выгодой использовать свободное время.

Реализовать собственные идеи, разработать новые продукты, вещи.

Это статус, значимый для двух категорий молодежи, обучающейся в высшем учебном заведении. Одна представлена теми, кто только что окончил среднюю школу; о профессиональной жизни они пока знают немного, их интересует множество вещей, в том числе и они сами, и о своих возможностях они имеют слабое представление. Вторая категория — это те, кто чувствует силу и стремление сделать что-то конкретное, энергию, которой может хватить и на альтруистические деяния. Общим категориям свойственна инициатива, имеющая разные источники, но общую направленность — на профессиональную жизнь.

Негативно-образовательный статус (8,8% объясняемой дисперсии)
Оправдать перед преподавателем неготовность к занятиям в семестре.
Снизить требования к себе со стороны преподавателей во время экзаменов, в том числе государственных.
Понять, пригодятся ли в будущем знания, получаемые в вузе.

Этот статус дополнительной работы используется студентами (не всеми, ясное дело) для урегулирования конфликта между работой и учебной

нагрузкой, который разрешается не в пользу учебы. И все происходит на фоне сомнения или незнания в отношении пригодности знаний, получаемых в вузе, для эффективного включения в самостоятельную жизнь.

Индивидуально-прагматический социально ориентированный статус (8,4% объясняемой дисперсии)

Заработать на содержание собственной семьи.

Помочь родителям и родным.

Накопить деньги и опыт на организацию собственного бизнеса.

В такой статус возводят вторичную занятость студенты, уверенные в себе, ответственные, они склонны брать на себя обязанности, проявлять заботу о своих близких. Они не исключают, что им удастся организовать собственное дело, стать руководителем, лидером.

Индивидуально-утилитарно-потребительский статус (5,9% объясняемой дисперсии)

Воспользоваться репутацией вуза при поиске места работы.

Уступить требованиям влиятельных родителей и работать по их рекомендации.

Бесплатно пользоваться услугами, которые предоставляет дополнительная работа.

Этот статус характерен для пассивно-потребительского отношения к вторичной занятости, статус зависимости от вуза, престиж которого может повлиять на качество последипломной работы, от родителей, которые будут активно участвовать в будущем трудоустройстве, от организации или предприятия, имеющих определенные ресурсы, доступные тем, кто там занят.

Символический статус (4,6% объясняемой дисперсии)

Повысить самооценку.

Выделиться среди коллег-студентов самостоятельностью и обеспеченностью.

Иметь собственные деньги на дорогие вещи, поездки в другие страны.

Статус самоутверждения, дополнительная работа как средство создания личной репутации и авторитета. Неявно присутствующее здесь допущение сводится к тому, что в студенческой среде уважают самостоятельных индивидов, которые достаточно зарабатывают и позволяют себе значительные траты на престижные вещи и престижный досуг.

Индивидуально-утилитарный статус (4,5% объясняемой дисперсии)

Попробовать, что это такое — работать.

Заработать себе на самое необходимое — еду, одежду, развлечения, некоторые личные вещи.

Составить представление о реальной, внеучебной, “взрослой” жизни.

Статус минимизированных требований к вторичной занятости. Прежде всего речь идет об удовлетворении неотложно-элементарных жизненных потребностей при отсутствии опыта трудовой деятельности и “взрослой” жизни. Совсем не обязательно, чтобы эти два социальных качества (бедность и неопытность) распределялись между разными категориями молодых людей. Весьма вероятно, что они сопряжены друг с другом, хотя это пока что лишь предположение.

Индивидуально-прагматический статус (4,4% объяснительной дисперсии)

*Получить опыт работы на любой должности, что необходимо для резюме.
Найти уже сейчас рабочее место и трудоустроиться по специальности.
Найти рабочее место не по специальности и строить новую карьеру.*

В отличие от социально ориентированного индивидуально-прагматического статуса, этот предполагает концентрацию внимания студента на собственной профессиональной позиции, которая может соответствовать либо не соответствовать записи о специальности в дипломе о высшем образовании. Вторичная занятость, таким образом, рассматривается и как возможность продолжить траекторию профессиональной судьбы, и как способ более или менее существенно искривить ее и направить в неожиданном направлении.

* * *

Сложность феномена вторичной занятости тех, кто получает высшее образование, обусловлена принадлежностью их к гетерогенным институциональным системам взаимодействия: родительская семья; собственная семья, если она есть; высшее учебное заведение; экономика. Отдельной составляющей в этот процесс входит собственно личность студента, его знания, способности, темперамент, коммуникативные навыки. Эта сложность проявляется и в совокупности статусов такой занятости. Поскольку вторичная занятость удовлетворяет некоторое множество потребностей и стремлений молодых людей, постольку и статусы образуют определенную констелляцию. При этом статусы здесь означают инструментальные образования, которые одновременно выявляют установки респондентов и используют ими в качестве аргументов оправдания в ситуации опроса.

Обобщение наработок по вопросам вторичной занятости студентов в имеющейся научной литературе позволило прийти к выводу о том, что целесообразнее всего выявлять статусы вторичной занятости путем интерпретации тех оправданий и аргументаций, которые приводят студенты в ответах на вопрос о том, что побудило их наниматься на работу. Осуществленная эмпирическая классификация сделала возможным уточнение теоретической. Прежде всего напрасным оказалось выделение социально-позитивного статуса, хотя обзор существующей научной литературы по проблемам мотивации участия студенческой молодежи в труде, казалось бы, давал для этого недвусмысленные подсказки. Еще один импульс поступал от желания уравновесить социально-негативный статус, связанный с вкладом дополнительной работы студентов в воспроизводство теневой экономики. Тем не менее полученные после факторного анализа данные убедили в том, что референтом трудовых практик студенчества выступает не общество. Здесь имеет место самореференция, молодежь учитывает собственные цели, индивидуальные намерения и ожидания, а благо общества находится на дальней периферии их профессионального воображения. И подобное состояние дел следует трактовать как нормальное: тот, кто еще не знает своей социальной цены, не способен ее предложить всему обществу.

Эмпирическая классификация оказалась более однородной по сравнению с теоретической, не оправдалось опасение, что ее будет трудно интерпретировать. Наиболее заметное изменение, которое было обнаружено, за-

ключалось в расщеплении индивидуально-прагматичного и индивидуально-утилитарного статусов каждого на два отдельных. При этом критерии различения отделившихся частей очевидны и приемлемы. В результате количество статусов вторичной занятости студенческой молодежи возросло на единицу и достаточно убедительно описывает сложное и противоречивое явление дополнительной работы.

На основе эмпирического исследования установлено наличие позитивных и негативных по результатам статусов вторичной занятости: позитивные удовлетворяют витальные и символические потребности молодых людей, негативные создают проблемные ситуации в процессе обучения, поскольку не всегда удается найти баланс в распределении рабочего и учебного времени, а работа студентов без подписания трудовых соглашений воспроизводит теньевую экономику.

Полученная классификация статусов позволяет не только лучше понимать причинные основания вторичной занятости студентов, но и, ориентируясь на типы статусов, интерпретировать поведение студентов на рынке труда. Это также должно помочь в решении вопросов регулирования трудовых взаимоотношений и эффективном использовании вторичной занятости студентов.

Вокруг вторичной занятости постепенно складывается определенная инфраструктура, свидетельствующая об институционализации статуса работающего студента. Речь идет прежде всего о развитии служб трудоустройства студентов, в чем заинтересованы молодежь, работодатели и, не в последнюю очередь, высшие учебные заведения. Для последних это один из возможных каналов установления связи между вузом и экономикой ради достижения большего соответствия между содержанием учебного процесса и потребностями предприятий и организаций.

Приложение А

Анкета опроса “Мотивы вторичной занятости студентов”

За период обучения Вы, возможно, работали полный или не полный рабочий день, имеете знакомых, которые работают, либо слышали о мотивах, побуждающих студентов работать. Ниже приведены суждения касательно мотивов, оправдывающих трудоустройство в период обучения. Отметьте, пожалуйста, по каждой строке, **как часто, по вашему мнению, студенты действительно используют их в разных ситуациях и действительно ими руководствуются** (оцените это по шкале, где 1 — “крайне редко”, а 7 — “очень часто”). Итак, студенты работают для того, чтобы...

Варианты ответа		Крайне редко						Очень часто
1	Приобрести опыт общения и работы в коллективе	1	2	3	4	5	6	7
2	Заработать на содержание собственной семьи	1	2	3	4	5	6	7
3	Накопить деньги и опыт на организацию собственного бизнеса	1	2	3	4	5	6	7
4	Найти уже сейчас рабочее место и трудоустроиться по специальности	1	2	3	4	5	6	7

Окончание анкеты опроса “Мотивы вторичной занятости студентов”

Варианты ответа		Крайне редко						Очень часто	
		1	2	3	4	5	6	7	
5	Получить опыт работы на любой должности, что необходимо для резюме	1	2	3	4	5	6	7	
6	Найти рабочее место не по специальности и строить новую карьеру	1	2	3	4	5	6	7	
7	Оправдать перед преподавателем неготовность к занятиям в семестре	1	2	3	4	5	6	7	
8	Понять, пригодятся ли в будущем знания, получаемые в вузе	1	2	3	4	5	6	7	
9	Помочь родителям и родным	1	2	3	4	5	6	7	
10	Удовлетворить интерес к разным занятиям и профессиям, узнать что-то новое	1	2	3	4	5	6	7	
11	Реализовать собственные идеи, разработать новые продукты, вещи	1	2	3	4	5	6	7	
12	Выделиться среди коллег-студентов самостоятельностью и обеспеченностью	1	2	3	4	5	6	7	
13	Повысить самооценку	1	2	3	4	5	6	7	
14	Помогать другим людям в решении их проблем	1	2	3	4	5	6	7	
15	Попробовать, что это такое — работать	1	2	3	4	5	6	7	
16	Заработать себе на самое необходимое — еду, одежду, развлечения, некоторые личные вещи	1	2	3	4	5	6	7	
17	С выгодой использовать свободное время	1	2	3	4	5	6	7	
18	Уступить требованиям влиятельных родителей и работать по их рекомендации	1	2	3	4	5	6	7	
19	Иметь собственные деньги на дорогие вещи, поездки в другие страны	1	2	3	4	5	6	7	
20	Снизить требования к себе со стороны преподавателей во время экзаменов, в том числе государственных	1	2	3	4	5	6	7	
21	Определить, на что ты способен	1	2	3	4	5	6	7	
22	Бесплатно пользоваться услугами, которые предоставляет дополнительная работа	1	2	3	4	5	6	7	
23	Составить представление о реальной, внеучебной, “взрослой” жизни	1	2	3	4	5	6	7	
24	Воспользоваться репутацией вуза при поиске места работы	1	2	3	4	5	6	7	

Приложение Б

Факторные нагрузки мотивов вторичной занятости

Мотивы	Факторы						
	1	2	3	4	5	6	7
Удовлетворить интерес к разным занятиям и профессиям, узнать что-то новое	0,701						
Определить, на что ты способен	0,666						
Приобрести опыт общения и работы в коллективе	0,594						
Помогать другим людям в решении их проблем	0,570						
С выгодой использовать свободное время	0,481						
Получить представление о реальной, внеучебной, "взрослой" жизни	0,425						
Оправдать перед преподавателем неготовность к занятиям в семестре		0,773					
Снизить требования к себе со стороны преподавателей во время экзаменов, в том числе государственных		0,617		0,462			
Понять, пригодятся ли в будущем знания, получаемые в вузе		0,613					
Заработать на содержание собственной семьи			0,807				
Помочь родителям и родным			0,776				
Накопить деньги и опыт на организацию собственного бизнеса			0,434			0,418	
Воспользоваться репутацией вуза для поиска места работы				0,718			
Уступить требованиям влиятельных родителей и работать по их рекомендации				0,644			
Бесплатно пользоваться услугами, которые предоставляет дополнительная работа				0,594			
Повысить самооценку					0,671		
Выделиться среди коллег-студентов самостоятельностью и обеспеченностью		0,435			0,604		
Иметь собственные деньги на дорогие вещи, поездки в другие страны			0,423		0,541		
Попробовать, что это такое – работать	0,420					0,619	
Реализовать собственные идеи, разработать новые продукты, вещи	0,473					0,562	
Заработать себе на самое необходимое – еду, одежду, развлечения, некоторые личные вещи			0,422			0,554	
Приобрести опыт работы на любой должности, необходимый для резюме							0,830
Найти уже сейчас рабочее место и трудоустроиться по специальности							0,582
Найти рабочее место не по специальности и строить новую карьеру							

Метод выделения: Анализ методом главных компонент.

Метод обращения: Варимакс с нормализацией Кайзера.

Обращение сошлось за 21 итерацию.

Источники

Апокин А. Анализ студенческой занятости в контексте российского рынка труда / Александр Апокин, Мария Юдкевич // Вопросы экономики. — 2008. — № 6. — С. 98–110.

Большакова О.А. Оплачиваемая работа в жизни студентов / Ольга Большакова // Социологические исследования. — 2005. — № 4. — С. 136–139.

Волкова Н. Очікування студентської молоді як чинник оцінювання економічного механізму державної політики зайнятості [Електронний ресурс] / Наталія Волкова // Науково-теоретичний журнал Дніпропетровської державної фінансової академії. — 2010. — № 1 (23). — Режим доступу : archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Dums/2010_4/10vnpdpz.pdf.

Ворона М.А. Социальный феномен студенческой занятости в современном обществе [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. соц. наук : спец. 22.00.04. “Социальная структура, социальные институты и процессы” // М.А. Ворона. — Саратов, 2008. — 24 с. — Режим доступа : www.dissertcat.com/.../sotsialnyi-fenomen-studencheskoi-zanyatosti-v-sovremennom-obshchestve.

Капезина Т.Г. Вторичная занятость студентов: На материалах вузов г. Пензы : дис. ... канд. соц. наук : 22.00.03 / Капезина Татьяна Тимофеевна. — Пенза, 2003. — 163 с.

Константинова Е.Б. Вторичная занятость студентов как фактор формирования жизненных стратегий [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. соц. наук : спец. 22.00.06 “Социология культуры, духовной жизни” // Е.Б. Константинова. — Екатеринбург, 2006. — 22 с. — Режим доступа : elag.urfu.ru/bitstream/10995/893/1/urgu0398s.pdf.

Константиновский Д. “Кончить курс и место достать”: Исследование вторичной занятости студентов [Электронный ресурс] / Давид Константиновский, Елена Вознесенская, Галина Чередниченко // Социологический журнал. — 2001. — № 3. — Режим доступа : www.nir.ru/sj/sj/sj3-01konst.html.

Лелекина И.А. Социально-экономический статус молодежи в трансформирующемся Российском социуме [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. соц. наук : спец. 22.00.08. “Социология управления” // И.А. Лелекина. — Майкоп, 2007. — 24 с. — Режим доступа : www.twirpx.com/file/654194/.

Малиш Л. Соціальні детермінанти базових умінь та навичок української молоді / С. Оксамитна, О. Виноградов, Л. Малиш, Т. Марценюк. — К. : ВПЦ НаУКМА, 2010. — 202 с.

Молодь та молодіжна політика в Україні: соціально-демографічні аспекти / за ред. Е.М. Лібанової. — К. : Ін-т демографії та соціальних досліджень ім. М.В. Птухи НАНУ, 2010. — С. 167–168.

Родионова А.В. Трудовая занятость студентов в условиях реформирования системы высшего образования в России [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. соц. наук : спец. 22.00.04 “Социальная структура, социальные институты и процессы” // А.В. Родионова. — СПб., 2012. — 26 с. — Режим доступа : www.si.ras.ru/doc/rodionova.pdf.

Садрицька С.В. Чинники реалізації професійних домагань сучасної студентської молоді / С.В. Садрицька // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : зб. наук. праць. — Х. : ВЦ ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2008. — С. 525–528.

Студенты. Образ будущего. Четвертый годовой социологический отчет Института Горшенни [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://institute.gorshenin.ua/researches/104_sovremennoe_studenchestvo_ukraini.html.

Творогова С.В. Трудовая занятость как фактор накопления человеческого и социального капитала студентов в постсоветской России [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. соц. наук : спец. 22.00.04. “Социальная структура, социальные институты и процессы” // С.В. Творогова. — М., 2003. — 20 с. — Режим доступа : www.hse.ru/data/194/130/1235/1Tvorogova.pdf.

Федоренко Н.И. Статусні та функціональні особливості вторинної зайнятості сучасної студентської молоді / Наталія Федоренко // Соціальні виміри суспільства ; вип. 3 (14). – К. : ІС НАНУ, 2011. – С. 235–246.

Цылев В.Р. Вторичная занятость студентов вузов на пути к профессиональной деятельности [Электронный ресурс] / В.Р. Цылев // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 4 (12). – Режим доступа : <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/4/tsylev.pdf>.

Callender C. Student Finances: Income, Expenditure and Take-up of Student Loans / C. Callender, E. Kempson. – London : PSI Publishing, 1996.

Curtis S. A coincidence of needs? Employers and full-time students / S. Curtis, R. Lucas // Employee Relations. – 2001. – Vol. 23. – № 1. – P. 38–54.

Ford J. Part-time work and full-time higher education / J. Ford, D. Bosworth, R. Wilson // Studies in Higher Education. – 1995. – Vol. 20. – № 2. – P. 187–202.

Hakkinen I. Working while enrolled in a university: Does it pay? / I. Hakkinen // Working paper. Department of Economics, Uppsala University. – 2004. – 1 January.

Hodgson A. Part-time Work and Full-time Education in The UK: the emergence of a curriculum and policy issue / A. Hodgson, K. Spours // Journal of Education and Work. – 2001. – Vol. 14. – № 3.

Kalenkoski C.M. Parental Transfers, Student Achievement, and the Labor Supply of College Students / C.M. Kalenkoski, S. Pabilonia // Working Paper 374. Department of Economics, Ohio University. – 2004.

Lucas R. Combining Work and Study: an Empirical Study of Full-Time Students in School, College and University / R. Lucas, N. Lamont // Journal of Education and Work. – 1998. – Vol. 11. – № 1. – P. 41–56.

Paton-Saltzberg R. The Effects of Paid Employment on the Academic Performance of Full-time Students in Higher Education / R. Paton-Saltzberg, R.O. Lindsay. – Oxford : Oxford Brookes University. – 1993.

Riggert S.C. Student employment and higher education: empiricism and contradiction / S.C. Riggert, M. Boyle, J.M. Petrosko, D. Ash, C. Rude-Parkins // Review of Educational Research. – 2006. – Vol. 76. – № 1. – P. 63.

Sorensen L. Student loans: a case study / L. Sorensen, S. Winn // Higher Education Review. – 1993. – Vol. 25. – P. 48–65.

Working in Two Worlds: Students and Part-time Employment / P. Kelly (ed.). – Glasgow : Scottish Low Pay Unit, 1999.